

Елена Клепикова

*Жизнь во сне по отрывному
календарю*

Елена Клепикова
Жизнь во сне по
отрывному календарю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097515

ISBN 9785448301476

Аннотация

Марта тоже человек. Со своими тараканами, и у каждого таракана особая конституция на всякий день. Живет себе женщина Марта в гармонии с миром, с собой в разладе, потому как не бывает совершенства под солнцем. Смешная и мудрая, трогательная и своенравная, живет вопреки всему и несмотря ни на что. Не умеет она сдаваться. Не научили.

Содержание

Просто Марта	5
Телефонный звонок	8
Первая охота	11
Муки творчества	17
Чёрный альпинист	20
Новогодние сны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Жизнь во сне по отрывному календарю Елена Клепикова

© Елена Клепикова, 2016

© Александр Хайдарович Клепиков, фотографии, 2016

Редактор Леонид Владленович Бахнов

Редактор Елена Дмитриевна Зинченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Просто Марта

Марта не обременяла себя дружбой. Дружба требовала времени. Люди, которые появлялись в её жизни и могли называться друзьями, как-то очень плавно исчезали, оставаясь только в воспоминаниях и снах. Сны прилетали осенние, наполненные мелким дождём, голыми чёрными ветвями деревьев и надменным карканьем ворон; зимние – холодные, отвратительные в своей сияющей больничной белизне. Хуже всего было весной – сны становились яркими, прозрачными, как мыльные пузыри, такими же непрочными пустышками. Они лопались мокрыми брызгами, оставляя вместо себя две металлические суставчатые ноги, из ночи в ночь марширующие по гранитной брусчатке бесконечной площади. Летние сны почти не запоминались, духота съедала краски, оставляя как милость цвет смутно-зелёный, коричневый, бледно-жёлтый – подготовку ранней осени. «Я сплю во сне и вижу сон: философ ловит бабочку. Сачком, – думала Марта. – Философом была в сне первом. Во втором – порхала бабочкой. Я сплю во сне, в котором сплю и вижу сон – хочу побыть сачком».

За открытым окном шелестели листья акации. «Чего-то интересного нашепчут листики, – мысли текли лениво. – Любопытно, каким сачком?» Тренированная память тут же выдала определение: «Сачок – сетчатый мешок для ловли

рыбы или летающих насекомых. Дефиниция первая. Ожегов, издание кто-ж-его-вспомнит-какого-года. Ещё словарь синонимов...». Здесь добыча оказалась богаче – выюн, ловчила, пройда, лежебок, лежень, ленивец, фокусник, шаромыжник, шаромыга, штукарь, шланг, филон, пролаза, сачкодав, никудышник, сачкарь, празднолюбец, хлюст, бездельник, гусь лапчатый, прохиндей, орудие, сачкодром, сачкодавший, лежебока, лодырь, никудышка, проныра, пройдоха, махинатор, доставала, продувная бестия, протобестия, лентяй, байбак, ловкач, ухо-парень, жучок, химик. «Сачок-орудие уже было, а вот остальное... Ухо-парень, воля ваша, что-то совсем непотребное, – развлекалась Марта. – А празднолюбец, пожалуй, ничего».

Решение пришло неожиданно. На верхней полке стеллажа, в углу, прижатая к потолку книгами, пылилась старая деревянная шкатулка. В неё складывали разные ненужные в обиходе мелочи, которые и выбросить рука не поднимается, и применить не к чему. Лежали там старые праздничные открытки, фарфоровый китайский болванчик, золингеновская опасная бритва, театральный бинокль, костяные пуговицы, пара патронов от древнего «вальтера» и отрывной календарь, ещё периода «шестидневки». Этот календарь Марта и достала. Хранить до скончания веков – смысла нет, сдать в антикварную лавку тоже *nie ma sensu*, пусть послужит благому делу. С календарём под подушкой можно будет «снить» заказные сны, помечая дни. Или отрывать листочки с неудач-

ными кошмарами. И так до тех пор, пока не останется страниц.

Телефонный звонок

(Сон первый: «Марта и темнота»)

Марта шла по тёмному двору, подсвечивая газовой зажигалкой. Разбухшая от старости и влаги дверь подъезда поддалась со второго раза. Тёмная лестница. «Как в желудке у негра. Хорошо, что третий этаж, а если девятый? О-хо-хо». Дома никто не ждёт: муж в отъезде, дети рванули на недельку к любимой бабуле. Коврик из-под двери перекочевал на площадку: «Опять бомжи устраивали клуб по интересам. Ну его, пусть лежит, где лежит, будем обходиться без коврика».

Женщина с трудом попала в скважину ключом, пожалела, что нет лишней руки: сумку ставить на грязный пол противно. Дверь распахнулась – холод, тишина и лёгкий аромат сандала. «Интересно, отключение веерное или полетела подстанция? Если веерное – надолго, если подстанция – неизвестно». Страшно хотелось есть, но отлепиться от стенки не было ни сил, ни желания. Зажигалка пощёлкала вхолостую и отказалась выдавить даже микроскопический язычок пламени. «Вот так и помру в прихожей, в мокрых туфлях – гадость какая». Марта обессилено бросила сумку, с трудом стащила мокрые туфли, прямо на пол скинула куртку и на ощупь побрела в ванную. Мытьё рук превратилось в приключение: так просто – открыть воду и намылить ру-

ки. Попутно, судя по звуку, попадали зубные щётки, баночка с кремом, флакон неизвестно с чем. Слава богу, не разбился. И то ладно. На кухне дело пошло веселее – всё-таки из окна что-то перепадало – не полнолуние, но и не мёртвая чернота квартиры. Она взяла с подоконника спички, зажгла газ. В неверном свете газовой горелки кухня приобрела вид средневековой алхимической лаборатории. «Сколько же в доме лишней дряни, – подумала Марта и полезла в шкаф за консервами. Нож вгрызся в консервную банку, зашипела вываленная на сковороду тушёнка. – Где-то был хлеб. Холодильник надо отключить и дверцу открыть, масло положить в холодную воду, сыр – на балкон. Краски до утра продержатся. С трудом». Тушёнка разогрелась. Марта выложила говядину в тарелку, торжественно взяла в правую руку вилку, в левую подсохшую горбушку: «Ну-с, приступим». Газ почти не давал света. Это к лучшему – можно было не разглядывать малоаппетитную коричневую массу. Она представила, как урча и чавкая, такая горбушку в соус, постанывая от наслаждения, будет заглатывать эту, с позволения сказать, еду. И тут зазвонил телефон.

– Кто говорит?

– Слон.

Позвонила старая приятельница из разряда заклятых подруг. Полчаса голос по телефону тархтел о враче-кудеснике, избавившем от лишних килограммов, о новой офигительной губной помаде, о том, что «эта сволочь» на день

рождения подарил «Токал-джип» вместо ожидаемого «Порше-кайена».

– Послушай, я ценю, что ты делишься своими насущными проблемами, но я только с работы и очень хочу есть...

– Ой, перезвоню через час. Чмок-чмок-чмок!

Пи-пи-пи.

Тушёнка остыла.

Марта сгрызла горбушку, выдернула из розетки телефонный шнур и села перед безжизненным монитором компьютера.

Первая охота

(Сон второй: «Марта и вепрь»)

Марта тихо сидела у костра. Мужчины, разгорячённые напитками и предстоящей охотой, перебивая друг друга, травили охотничьи байки. Отец Эрика, огромный, красный, размахивая руками, выкрикивал:

– Я первый раз тогда на кабана ходил, пацан совсем. Выдали ружьёцо – двустволку курковую с горизонтальным боем, древнюю, от деда Мазая, указали, где встать. Место дохлое. Кто ж на хорошее место новичка поставит?

– Ну и?

– Ну. Залез на пень. Стою – скучаю. Там уже пальба идет. Смотрю, на меня кабанище прет. Я из левого ствола – бац! Осечка. Из правого бац – осечка. В голове пусто и большими буквами «Амбец!» – как на бегущей строке. Перезарядиться не успеваю. Курки взвел, из двух стволов «Ба-бах!» Кабан копытцами в воздухе брыкнул и у пня свалился. А я соскочил на землю, вокруг туши бегаю и пинаю, пинаю: «Что взял, сволочь!?» Тут ко мне кто-то из старших бежит, орёт: «Дурак, назад!» Оттащил. Дрыну метровую подобрал, кабан около морды ткнул. Хрусть! Палка пополам. Он ещё живой был. Повезло...

Костер полыхал, подогревая эмоции. Кровавые отблески

метались по лицам. «Что я здесь делаю, – подумала Марта. – Дичь какая-то. Диана-охотница выискалась». Покосилась на сидящего рядом мальчишку. – «Красив, как Антиной». – Спросила:

– Ты-то зачем здесь?

– Папа сказал, надо мужчиной становиться. Охота – занятие сильных и смелых. А Вы почему?

– Муж решил доказать, что на самом деле на охоту выезжает.

– Вам нравится?

– Сам-то как думаешь?

– Да-а..., – вздохнул Эрик.

Женщина и юноша посмотрели друг на друга, тихо сдвинули кружки с круто заваренным душистым чаем. Эрик смущённо вытащил из кармана карамельки:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – «Клубника со сливками». Забавно. Мои любимые. Были. Давно». – А у меня сухарики есть.

Так они и сидели, грызя ванильные сухари, глядя в огонь, терпеливо внимая рассказам умудрённых жизнью настоящих мужчин.

Солировал бородатый Ника. Ника держал в городе антикварный салон, слыл непревзойдённым экспертом по саксонскому фарфору и обладал уникальным собранием куртуазных статуэток девятнадцатого века. Его брат, такой же бородатый Мика, врач-травматолог, подбрасывая в костёр по-

лешки, согласно кивал:

– Стоим мы, метрах в десяти друг от друга. Тощища-а. Сыро. Поглядел – Мика исчез. Ну, я потихонечку к его месту крадусь – не дай бог, ветка хрустнет. Подобрался – нет брата! Огляделся, вижу – из травы кепка торчит. Сидит, страдалец. Значит, не показалось, что вечером консервы порченные съели. Думаю, сейчас научу тебя охоту уважать! За кустами прополз, холодным стволом легонько по заднице ткнул и хрюкнул. Как он рванул! Бубка отдыхает! До дерева доле-тел и вверх. Даже штаны не надел. Мы его потом всей компанией снимали, какая уж тут охота.

Слушатели хохотали.

– Мика полгода со мной не разговаривал.

– Если бы ты зимой ногу не сломал, до сих пор бы не разговаривал.

Голоса перебивали друг друга, переплетались, наслаивались. «Испорченный телевизор, или нет, детекторный приёмник – сплошной шум, треск. Членораздельные слова не несут никакой смысловой нагрузки: пиф-паф, ой-ёй-ёй», – подумала Марта и спросила:

– Ты стрелять умеешь?

– В секции пять лет. Пулевая стрельба. И ещё плаванием занимаюсь, – горделиво отозвался Эрик.

– Хорошо. Успеваешь?

– Стараюсь.

За спиной послышалось пыхтение – между Мартой и Эри-

ком втиснулось литое тело крупной собаки. Резко запахло мокрой шерстью.

– Ты где бегал, чучело? Рыбу ловил? На, на сухарика.

Пёс хрустел сухарём, счастливо улыбался, посвистывал горлом, всем видом своим выражал удовольствие, что его принимают, не гонят, угощают, разговаривают.

Костёр прогорал. Егерь обратился к Марте:

– Завтра рано вставать, идите в домик, пожалуйста. Спать надо. Коныр, проводи!

Собака с готовностью вскочила, замахала хвостом, склонив голову к плечу, посмотрела на женщину блестящими чёрными глазами, гавкнула тихонько «мол, что ты, не сомневайся, доведу в лучшем виде», развернулась и потихоньку потрусил в темноту.

Утром Марту и Эрика поставили на пустой номер. Камыши качались, шелестели метрах в ста от позиции у трухлявого поваленного дерева. Коныр маялся рядом. Снарядили «детский сад» лёгкими мелкашками, наказали никуда не ходить, звуков лишних не издавать, а лучше вообще сидеть на бревне и добросовестно ждать, когда за ними придут доблестные охотники.

Солнце поднималось к полудню. Где-то там, на востоке, неровно загрохотали выстрелы, зашлись лаем собаки. В камышах захрустело, зашумело. Ближе, ближе.

– Тётя Марта, смотрите!

Из камышей вылетел и замер огромный кабан.

«Подранок, – поняла Марта. Время растянулось, растянулось, застыло. – Сейчас нас не станет»:

– Эрик, бежим!

– Куда?!

Бежать было некуда и незачем. Одинаково отработанным движением они вскинули винтовки:

– Только в глаз, тётя Марта!

Тёмно-серый, с бурыми пятнами на щетине, вепрь, вереща, бросился вперёд, наперерез метнулся Коныр. Зверь принял собаку на клыки, мотнул головой, отбрасывая прочь. Этого мгновения хватило для выстрела. Два легких хлопка. Кабан упал – пули попали в цель. Из камышей выскочили собаки. Размахивая ружьями, выбежали запалённые охотники, заорали наперебой:

– Живые?!

– Ай, молодцы!

– От, какого завалили!

Взволнованные мужчины хлопали Эрика и Марту по плечам, обнимали, выкрикивали слова восхищения, осматривали колоссальную тушу, оценивали точность выстрелов.

– Зачем всё это, тётя Марта?

– Не знаю...

Какою мерою мерите
Какой верой верите
Всякой вере – свою меру
Всякой мере – цену

Цена меры и веры – жизнь

Око за око

Жизнь за жизнь

Смерть за смерть

Марта и Эрик стояли у дерева, на своем последнем рубеже.

Слёзы будут потом.

Муки творчества

(Сон третий: «Марта и «Сирень»)

Марта торопливо стучала по клавиатуре. Пальцы не успевали за мыслями – хотелось красиво завершить особо изящный период. Конференция через два дня – доклад вытанцовывался занятный. Не бесспорный, но вполне доказательный. «Красота, – подумала Марта. – Ай, да я! Ай, да чья-то там дочь! А вот мы сейчас цитатку из Кони». Хлопнула дверь. У стола материализовалась плотная фигура коллеги. Коллега преследовала Марту почти год. С завидной регулярностью заходила в кабинет и рассказывала, как любит свою подругу, как подруга любит сирень. Что у подруги в ноябре день рождения и хотелось бы подарить ей картину с сиренью. Иногда она заскакивала с вопросом:

– А что висит с сиренью в Третьяковской галерее?

– Работы Герасимова и Кончаловского.

Коллега убегала. На следующий день появлялась снова и с ехидцей замечала:

– А вот и нет! В Русском музее висит «Сирень» Коро!

– Да. В Русском – Коро, а в Третьяковке – Герасимов и Кончаловский.

– Моя подруга очень любит «Сирень» Коро.

– Софочка, у Вашей подруги хороший вкус.

– Мартиша, ну когда вы нарисуете мне картинку?

Марте хотелось послать её на... Арбат. Там этих «Сиреней» завались.

Самое страшное, что Марта знала эту подругу. Работали вместе – тоже коллега. Её уже полгода не было на работе – долгое трудное лечение. Рак. «Кама волевая женщина, борется, не унывает, а я не могу помочь ей такой мелочью – „Сирень“ Коро. Копия», – переживала Марта.

Год она не прикасалась к холсту. Кисти сиротливо стояли в горшочке на подоконнике – мёрзли даже летом. Пробовала делать карандашные наброски. Вместо букетов и веточек на одном листе получились сапёры. Лежат на песке, отдыхают под палящим солнцем, а за ними уходящая к горам пустыня, размеченная треугольными флажками с буквой «М». На втором: по острию косо подвешенного на волоске клинка шёл вверх босой ангел. Третий лист остался незавершённым – всё равно цветы не получились. Из этого вышли бы вполне недурственные монотипии, но Марта не могла взять кисть. Руки пусты и безучастны.

Вместо «Сирени» Марта предложила Софе другую работу. Ту, что висела в кабинете напротив рабочего стола. На холсте змеилась узкая улица старой Риги, очень светлая, с прозрачными косыми тенями, из-за домов вырывался ввысь шпиль собора, оранжево-золотой в лучах начинающегося заката, а над городом совершенно безумное, полное жизни, лазурное «испанское» небо.

– Ну что вы, Марта, в Прибалтике так не бывает, вот сирень...

«Сирень» Коро. Копия.

Чёрный альпинист

(Сон четвёртый: «Марта и горы»)

Марта ступала след в след – тропа ещё не была пробита, слежавшийся глубокий снег проминался неохотно. Группа из трёх человек ушла далеко вперёд, оставив Марту одну. За неё не волновались, пусть идёт, как идёт – маршрут знакомый, опасности нет, к стоянке догонит. Шумный Чимбулак с забитыми машинами автостоянками, развязными компаниями, приехавшими приобщиться к спорту, но почему-то оседавшими в гостиничном ресторане, целеустремлёнными лыжниками в ярких костюмах, гомонящими сноубордистами, разновозрастными детьми с санками, «тазиками» и пластиковыми «каталками», весёлыми собаками, остался внизу.

«Вот интересно, – думала Марта. – Как всё меняется. Раньше здесь спортивная база была, а теперь вон что отгрохали». На месте спортивной базы «Эдельвейс», идеально вписываясь в пейзаж, раскинулся современный уютный и бешено дорогой комплекс отдыха. Старая база и была именно базой, не претендуя ни на что большее: несколько вагончиков, тройка маленьких домиков с подслеповатыми окошками, дощатая будка туалета. Именно отсюда по Малому Алматинскому ущелью туристы и альпинисты, «чайники» и гости уходили кто на маршрут, кто просто погулять.

В тихие восьмидесятые городское начальство привезло сюда летчика-космонавта, – фамилию Марта не вспомнила. – То ли Леонова, то ли Шаталова, а, может, и вовсе Берегового? Космонавт оглядел окрестности орлиным взором и молвил: «Что ж вы такими убогими строениями пейзаж портите». Начальство устыдилось – домики и вагончики разломали, и только деревянная будка какое-то время напоминала о том, что место это было обитаемо.

Однажды зимой, до памятного «космического» визита, тёплая компания студентов на каникулах решила навестить приятеля – студента-географа, отбывающего практику на станции Туук-Су. Туук-Су – научная станция «коктейль-солянка сборная» – там трудились метеорологи, гляциологи, сейсмологи вахтовым методом по две недели: две недели в горах, две недели в городе. Две недели в городе не выдерживал почти никто – люди отравленные горами, помывшись и повидав родных и близких, забивали рюкзаки картошкой, вареньем, копчёной рыбкой, возвращались наверх и дожидались смены в «Эдельвейсе». Марта не понимала такой жизни, но каждому своё.

До «Эдельвейса» студенты добрались без приключений, передохнули в гостеприимном домике, напились чаю. На вопрос: «Как дойти до станции Туук-Су», окружающие махали руками: «Туда», а на вопрос: «Долго?», отвечали: «Как пойдёте». В конце концов, за банку вишнёвого варенья, студентов вызвался проводить один человек – незнакомый,

но по виду бывалый.

– Студенты, – цедил Бывалый. – Доведу в лучшем виде. Вчера тут какие-то пришли, канистру пива принесли и спирту два литра. Голова боли-ит. Они утром ушли, а я здоровье поправлял. А мне на станцию надо.

Марта скептически смотрела на Бывалого: встрёпанный, синюшный, глаза как стоп-сигнал, перегаром разит – сосульки падают. Сказала шёпотом:

– Что-то не очень хочется с таким упырём идти.

– Другого всё равно нет, – также тихо ответил Алекс. – А до вечера надо на станции быть.

Студенты надели рюкзаки и вынырнули в зиму. Бывалый с места взял высокий темп, но алкоголь, слегка разбавленный кровью, давал о себе знать, и шёл он, мягко говоря, не прямо. Солнце клонилось к западу, удлинялись тени, на дороге впереди щупальцами зашевелились толстые белёсые нити, которые через несколько шагов превратились в плотный туман. С трудом, сквозь белую вату, различались мутные фигуры. Бывалый крикнул:

– Ну-ка все друженько, взялись за рюкзаки.

– В смысле?!

– Ну, ты – за мой, этот – за твой, тот – за этого, а девчонка пусть последняя идёт – у неё куртка красная. Взялись? За мной! След в след.

Марта шла, уцепившись за ремешок рюкзака Алекса, изо всех сил стараясь не задерживать движение. Туман гасил всё:

расстояние, цвет, звуки, запахи. Слева надвигалось ощущение беды и бездны.

– Всё. Тут где-то обрыв. А я иду, как молния. Не в смысле скорости, а так з-зигз-загом, – самокритично выдал Бывалый, сел в снег и добавил. – Боюсь, к ночи не дойдём. Давайте палаточку поставим, а?

Дружно утоптали площадку, с грехом пополам начали ставить палатку. И тут повалил снег. Не пошёл, не посыпал, именно повалил. Огромными мягкими хлопьями, выпадая из белого тумана, заваливая всё немногое, что ещё можно было увидеть. Студенты и Бывалый полезли в палатку – в одноместный брезентовый шалашик втиснулись пятеро – уселись, поёрзали, устраиваясь поудобнее, прижались друг к другу, как птенцы в гнезде:

– Поспим, если получится, утро вечера мудренее.

Уснуть удалось не всем и не сразу. Сон наваливался поочередно: чёрный, смутный, страшный. Спящие просыпались от короткого вскрика соседа, снова проваливались в липкую мглу видений. По пологу палатки скребли маленькие безжалостные коготки, кто-то снаружи вздыхал, давил на брезентовые стенки – будто хотел зайти, но не решался открыто и, сопя, на ощупь, пытался найти незаметную лазейку. Под утро тяжёлая дрёма сморила всех, и ребята проснулись, когда часовая стрелка подбиралась к десяти часам.

– Поспали, – хрипло пробормотал кто-то.

– Торопиться некуда.

Сон медленно отступал.

– Ребята, а где проводник? – подсвечивая фонариком, подслеповато всматриваясь в лица, спросила Марта.

Бывалый исчез вместе со своим рюкзаком, мотком верёвки и чайником. Алекс попытался откинуть полог палатки. Полог не поддавался – палатка засыпана снегом. «Безвыходных положений не бывает» – культовый мультик про барона Мюнхаузена был дружно взят на вооружение. Прорезали брезентовое полотно, общими усилиями стали осторожно прокапывать узкую мышиную дыру, трамбуя вынутый снег у стенки. Ход поднимался вверх на полутораметровую высоту. Женька, как самый длинный и тонкий, влез в снеговую трубу, уперся руками в снежный свод, осторожно выпрямился. Сверху глухо донёсся голос:

– Народ, ничего не видно – туманище. Снег не идёт – палатку по конёк занесло. В общем, мне по шею.

Женька вынырнул из хода, пробрался в уголок палатки.

– Надо метку ставить, – предложил Алекс. – Яркое есть что?

– Косынка, пёстренькая, – Марта вытянула из под свитера весёлый шёлковый треугольник. – Пионерский галстук, конечно, лучше... Но, что есть.

Косынку привязали к альпенштоку, водрузили над палаткой.

– Будем ждать, туман сойдёт, там посмотрим.

Ребята прижались друг к другу, потихоньку разговаривая

в темноте – батарейки фонариков решили экономить. Время тянулось медленно: известно, хуже нет – ждать и догонять. Женька время от времени выглядывал наружу, докладывал обстановку. Туман не редел. Вечером скромно перекусили и решили поспать. Ночью опять мучили кошмары, а за полночь раздался голос:

– Эй, народ, извините, что бужу, у вас хлеба не будет?

Ребята, зевая, протирали глаза, стряхивая сон. Холодно невозможно и никаких мыслей: кто, зачем, почему, как, откуда?

– Залезай, мужик, гостем будешь.

Включили фонарик. Человек лет тридцати, весь в чёрном – и куртка, и шапочка, и штаны с бахилами, и ботинки. Всё потёртое, но опрятное, чистое. Руки в перчатках. Лицо обветренное, борода, глаза чёрные, без блеска.

Хлеба нарезали, колбасы, сыра, шоколадку разломали:

– Ты извини, сутки под снегом сидим – чай чуть тёплый.

Мужик поел, чаю напился и говорит:

– Пойду, – сам на хлеб смотрит.

Ему еду собрали, а он отказался от всего – только хлеб взял. В ход ввинтился, и нет его. И никто ни о чём не спросил, не удивился – как морок какой.

Утром проснулись, Женька, как на дежурство, в ход залез, голову над снегом высунул:

– Ребята, – орёт счастливый. – Солнце! – В палатку забрался и говорит. – Странно только, никаких следов вокруг

нет. Куда этот чёрный делся?

Вопрос повис в воздухе. Все поочерёдно выглянули в дыру, порадовались солнышку – величие гор, сияющий снег, на небе – ни облачка! Вдалеке слышался рокот мотора. Через несколько минут подошёл снегоход. Водитель хохотал:

– Везунчики вы! По такой погоде сидели бы до морковкиного заговенья. Вован на рассвете пошел в будку показанья снимать. Выскочил, дурак, налегке. Через минуту влетает, синий, зубами клацает и вопит: «Там мужик незнакомый. Говорит, пацанов в палатке у обрыва на „тягуне“ засыпало. Метка – косынка в цветочек на альпенштоке». Мы «Буран» выкатили, туман сошел – я сразу и поехал. Везунчики!

Снег поскрипывал под ногами. «Скоро стоянка, сдвинем чашки на том самом месте». Марта прибавила шаг. Издалека слышались глухие голоса, она разобрала слова песни: «В суету городов и в потоки машин, отправляемся мы – просто некуда деться. Но спускаемся мы с покорённых вершин, оставляя в горах, оставляя в горах свое сердце».

Её ждали.

Новогодние сны

(Сон пятый: «Марта и смерть»)

Марта зябко куталась в байковое одеяло – блекло-серое, ветхое, усевшее от многочисленных стирок, пропитанное тоскливым запахом больницы. Из-под одеяла выглядывал подол ситцевой хламиды в мелкий цветочек. «Откуда на мне такое му-му? – босые ноги отчаянно мерзли. – Хоть бы тапки дали». Незнакомый голос бормотнул в ухо: «Эх, Марта, Марта, не быть тебе апрелем». Марта не удивилась сну: последняя дорога в точности как в описаниях побывавших «за чертой» – узкий туннель с высоким потолком, гладкие стены и обязательный предполагаемый свет впереди; подумала телеграфно: «коммуникативные средства воскл знак что нам подают зпт то мы и лопаем тчк».

Выложенный серым грубо тёсаным камнем коридор шёл под уклоном в сорок пять градусов – вверх или вниз? Куда идти... Света не было ни впереди, ни сзади. Марта вспомнила ужас, скрутивший ее корявым мотком колючей проволоки много лет назад, когда она заблудилась в переходах замка Лёвенбург: полчаса одиночества вне времени, морозный гранит, голос, вязнувший в тишине. Неожданное гладкое сухое дерево огромных ворот, узкая щель, в которую с трудом удалось протиснуться, круглая, колодцем, комната. В цен-

тре – настоящий колодец всё из того же зернистого гранита, накрытый потемневшей дубовой крышкой. И за каким таким удовольствием её потянуло сдвинуть крышку, откуда взялись силы? Изнутри ударил столб ледяного света, Марта, закричав от непереносимого счастья, нырнула в сияние. Тогда её привели в сознание хлёсткие пощёчины и голос, захлёбывающийся, гортанный, выкрикивающий резкие слова. Самым цензурным было «думмдрэк». «Ну, надо же, без перевода понятно. Грубиян!» – развеселилась Марта.

В этом сне голос кричал по-русски: «Руки!» Марта непроизвольно вскинула руки вверх и, вспомнив домоуправа Буншу, процитировала: «Гитлер... капут». «Разряд!» закричал в ответ голос. «Нервные тут все какие-то, – подумала Марта. – Нет, нет у меня никакого разряда. Даже ГТО нет!» Покраснела, вспомнив утаённые КМС по стрельбе и скалолазанию. Демонстративно сунула руки в карманы, нащупала в одном несколько крепких фасолин. «Ага! Постреляю!» Марта зажала фасолины в кулаке, поплевала на пальцы и выщелкнула серией в намалёванную на стене рожицу. Каменной крепости фасоль подбила рожице глаза, рикошетом отскочила на землю. Мгновением позже показались ростки, превратились в упругие крепкие плети, переплелись, перекрутились, рванулись ввысь, покрываясь толстыми кожистыми листьями. Листья подпихивались под ноги, подталкивали, выстраивались удобными ступеньками – живая спиральная лестница к мягкому свету, прочь от серой земли. Прочь

от Земли. «Поднимись до семи» долетел снизу угасающий голос. «Эх, хорошо, сейчас мы эту Мака... Мара... „рыбий хвост“ непокорённый покорять будем! Как же её зовут? Мачу-Пикчу? Это столица индейская... склероз, девушка, склероз! Или Макалу, или Манаслу. О! Мачапучри! Семитысячник. И пусть победит сильнейший».

Марта прыгнула на облако: вовсе не страшно, надёжно. Неподалёку в кружок сидела компания – спокойная такая, положительная. Водку не пьянствуют, чинно ложками из общего котелка хлебают. А подальше ещё компания, и ещё, и ещё. Обед, надо полагать. Подошла Марта к группе, а её ни о чём не спросили, даже имени не узнали. Потеснились, в руку серебряную ложку сунули. Только потянулась Марта к котелку – попробовать, что же там такое вкусное народ ест – громыхнуло под облаком, и котелок опрокинулся. Заоблачные жители заволновались, стали Марту утешать; по волосам гладят, по ладоням, ласково так, добро. Говорят: «Не плачь, Марта, мы ложку твою прибережём, а амброзию новую попробуешь – с лимонами и сахаром». Тут ещё сильнее грохнуло, свет стал таким ярким, глазам больно.

Больно.

– Руки!

– Разряд!

– Пусто.

– Еще разряд!

– Прямая.

– Подними до семи.

– Готовы? Руки!

– Разряд.

Прямая по экрану монитора пошла зазубринами: чаще, чаще; унылый писк перешёл в мерное бип-бип-бип. Трое в зелёных костюмах расслабились. Старший сказал:

– Ну, вот и ладненько. Светок, вколи мезатон ноль три на глюкозе струйно, систему с изокетом и приглядывай. Если что... Пойдем, Руслан, по двадцать грамулечек за возвращение.

– А по пятьдесят?

– Двадцать. Ночь длинная.

Из коридора тянуло слабым запахом лимонов и ёлки. Светок дремала на стуле – ей снился сон: идёт она по лугу, вокруг бабочки летают, садятся на траву и превращаются в огромные пушистые цветы. Качаются эти цветы от ветра плавно-плавно, туда-сюда, туда-сюда, тоненькими хрустальными голосами поют «Джингл белл, джингл белл, скоро Новый год», а вместо стеблей – стеклянные трубочки, которыми кровь забирают. Трубочку отломишь – цветок одуванчиковым пухом разлетается. И в руках у Светика этих трубочек уже целый пучок и они всё тоньше и веселее поют: «Джингл белл, джингл, джин-н-н-н...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.